

Ф. Г. Мамедов

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В СЕЛЕНИИ ДЖИДЖИМЛИ

(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ)

На старом мусульманском кладбище, неподалеку от селения Джиджимли Лачинского района, находятся два необычных для мемориального зодчества средневекового Азербайджана мавзолеев — Мелик Аждар и Кяр Кюмбез. В первом отчетливо прослеживаются черты влияния архитектуры кочевого жилья, а во втором — христианских сооружений Закавказья.

Увековечение памяти умершего, как известно, противоречит догмам ислама. Могила правоверного должна быть предельно скромна: о ней может напоминать лишь невысокий холмик. Тем не менее, с первых же веков существования мусульманства эти догмы неоднократно нарушались, зачастую представителями высших слоев духовенства, погребение которых нередко совершалось при мечетях. В ряде областей мусульманского Востока на месте погребений впоследствии вырастали самостоятельные мемориальные сооружения¹. В их архитектуре нередко элементы культового и жилого зодчества эпохи, предшествующей исламу. Как и всякая другая «большая» религия, ислам, породив новые виды зданий, широко использовал в них, в особенности на первых порах, строительные и художественные приемы народов, покоренных его распространителями — арабами. В этом отношении показательны и сохранившиеся мавзолеев в селении Джиджимли, в архитектуре которых своеобразно интерпретированы элементы доисламского зодчества Азербайджана и сопредельных с ним стран. Эти мавзолеев, так же как и многочисленные средневековые каменные надгробия и руины нескольких небольших сооружений, представляют большой интерес для этнографов, так как позволяют воссоздать древнюю историю селения. Ее свидетелями являются и упомянутые мавзолеев, силуэты которых привлекают внимание задолго до появления села.

Мавзолеев Мелик Аждар, в архитектуре которого своеобразно отобразились конструктивные элементы кочевой юрты, неоднократно обследовался и публиковался. Тем не менее, он вновь и вновь привлекает внимание оригинальностью внешнего облика, не встречающей сколько-нибудь близких аналогий в мемориальном зодчестве средневекового Азербайджана.

Впервые мавзолеев привлёк внимание И. П. Щерблякина, впоследствии опубликовавшего его схематический обмер, имеющий ряд неточностей². В дальнейшем к нему не раз обращались ученые. А. В. Саламзаде, классифицировавший мавзолеев Азербайджана, отнес Мелик Аждар к группе

¹ А. Мец, Мусульманский Ренессанс, М., 1973, стр. 314—316.

² И. П. Щерблякин, Памятники архитектуры Карягинского района, «Труды Азербайджанского филиала АН СССР», Баку, 1936, стр. 134; его же, Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами, Баку, 1943, стр. 85—87.

Рис. 1. Мемориальный комплекс в селении Джиджимли. Фотографии и чертежи выполнены автором

восьмигранных, без выраженной вертикальной направленности³. Предположение о генетических корнях необычной архитектуры мавзолей, берущей начало в жилье кочевников, впервые было высказано в «Истории архитектуры Азербайджана»⁴. Развитие этой гипотезы и наиболее полная характеристика памятника содержатся в монографии Л. С. Бретаницкого⁵. Мавзолей, наряду с другими памятниками, рассматривался также М. С. Булатовым, с целью выявления закономерностей формообразования арочно-сводчатых конструкций средневекового зодчества Востока⁶. Вместе с тем, вопросы возникновения оригинального внешнего облика мавзолея и его места в мемориальном зодчестве Азербайджана и сопредельных с ним областей Переднего Востока остались недостаточно освещенными.

Взаимосвязи оседлых и кочевых народов — одна из наиболее интересных и наименее изученных областей этнографии. Среди реальных показателей этих контактов можно назвать и мавзолей Мелик Аждар.

Восьмигранный в плане мавзолей (со стороной грани 3,6 м) своим внешним обликом несколько напоминает так называемый «сомкнутый» или «монастырский» свод. Однако внимательное его рассмотрение говорит о том, что это — монументализированное воплощение кочевой юрты, своеобразный «перевод в камень» ее архитектурного образа⁷.

³ А. В. Саламзаде, Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв., в кн.: «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952, стр. 237, 243.

⁴ М. А. Усейнов, Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде, История архитектуры Азербайджана, М., 1963, стр. 101—104.

⁵ Л. С. Бретаницкий, Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока, М., 1966, стр. 128—130.

⁶ М. С. Булатов, Арочно-сводчатые формы в зодчестве средневекового Самарканда, сб. «Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда)», Ташкент, 1972, стр. 85—88.

⁷ В истории архитектуры подобного рода факты известны. Отметим, к примеру, замечательную каменную церковь Вознесения в селе Коломенском, которую летопись, подчеркивая сходство ее архитектуры с архитектурой русского деревянного зодчества, охарактеризовала как возведенную «...вверх на деревянное дело», см.: Н. И. Брунов, А. И. Власюк, А. И. Каплун, А. А. Кипарисов, П. Н. Максимов, А. Г. Чиняков, История русской архитектуры, М., 1956, стр. 141.

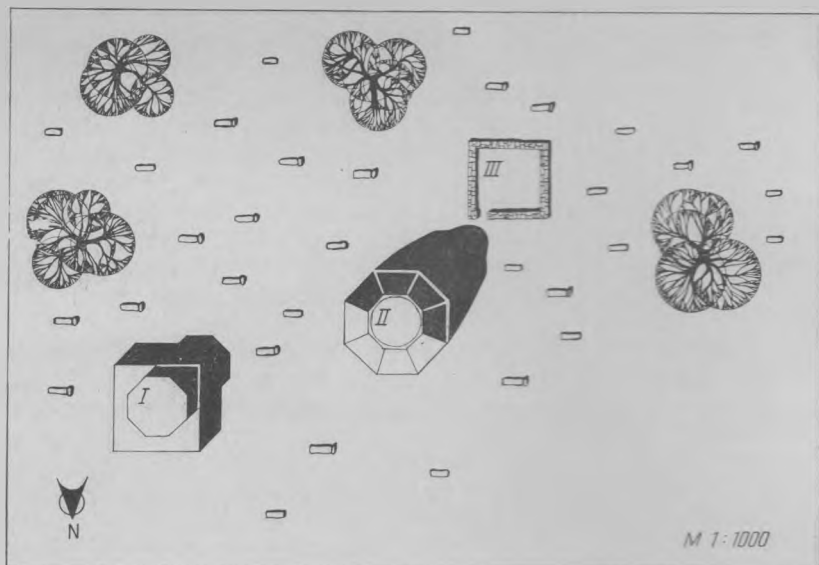

Рис. 2. Ситуационный план мемориального комплекса: I — мавзолей Кяр Кюмбес; II — мавзолей Мелик Аждар; III — развалины неизвестного сооружения

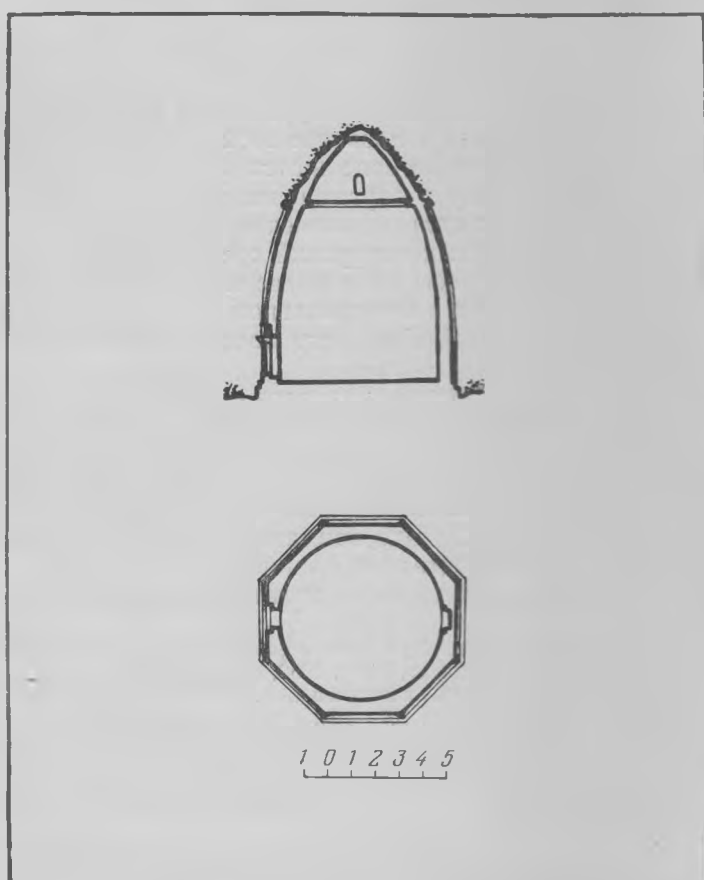

Рис. 3. Мавзолей Мелик Аждар. План и разрез (обмер И. П. Щеблыкина)

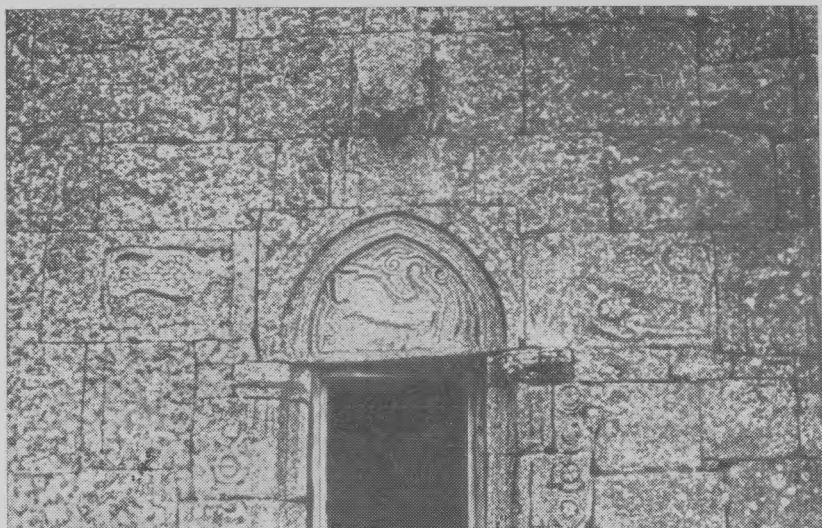

Рис. 4. Вход в мавзолей Мелик Аждар (фото Р. Эфендиева)

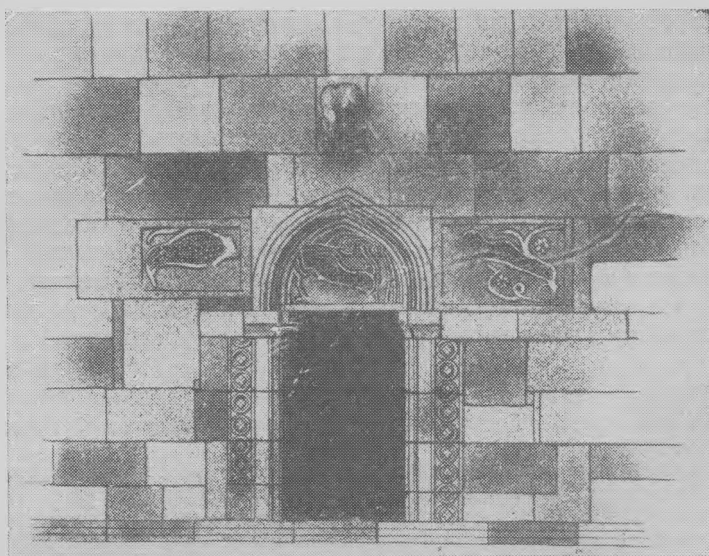

Рис. 5. Вход в мавзолей Мелик Аждар (обмер с частичной реставрацией)

Корпус мавзолея покоится на невысоком, трехступенчатом цоколе-постаменте. Площадь его основания значительно превышает площадь верхнего восьмигранника, являющуюся, в свою очередь, основанием для небольшого параболического куполка, сложенного из грубообработанных камней. Переход от основания мавзолея к основанию куполка осуществлен наклоном по плавной кривой сужающихся кверху плоскостей, стыки которых подчеркнуты тоненькими, полукруглого сечения колонками-жгутами. Основание куполка как на фасаде, так и в интерьере отбито небольшим карнизом.

Внутренний контур плана мавзолея представляет собой круг, диаметром 6,8 м. Внутренняя поверхность стен, покрытая серой штукатур-

кой, повторяет очертанием наружную часть стен. В южной стене расположен михраб, деталями убранства напоминающий алтарные преграды некоторых христианских сооружений Закавказья⁸. Опорой его полуциркульной арки служит пучок декоративных колонок, завершенных капителями несложного рисунка⁹. Неподалеку от михраба, в западной части камеры, находятся два захоронения, значительно более позднего времени. На восточной стене процарапаны, видимо, также поздние примитивные изображения людей и животных, возможно имевшие какое-либо магическое значение. Свет в мавзолей проникает через четыре небольших световых проема у основания купола, ориентированных по странам света.

• Наклонные ребра, служившие в юрте основой конструктивного каркаса, в мавзолее приобрели чисто декоративный характер. Отметим попутно несложный декор, украшающий их основания, середину и завершения, розетки с несложным узором, напоминающим схематизированное изображение солнца. Это — солярные знаки, характерные для орнамента многих кочевых народов. В основании и середине колонок-жгутов розетки расположены по обеим их сторонам, а в завершении — посередине небольшой трапецевидной капители.

Ориентированный на север вход в камеру мавзолея перекрыт камнем-архитравом с рельефным изображением. В тимпан его декоративной стрельчатой арки вписана вздыбленная фигура быка, выполненная с большой экспрессией¹⁰. По бокам входа, с двух сторон украшенного ленточным орнаментом из розеток, также находятся изображения быков, сохранившиеся несколько хуже. Под правым изображением виднеется часть надписи, выполненной арабской вязью¹¹.

В декоре мавзолея следует особо отметить выступающий над входом камень, контуры которого позволяют предполагать, что это деформированное изображение головы быка или барана. В памятниках зодчества Азербайджана объемная скульптура до сего времени не встречалась. Тем не менее известны свидетельства современников о подобного рода скульптурных изображениях в укреплениях средневековой Шемахи¹². Отметим также в качестве своеобразной параллели каменные надгробья с изваяниями коней или баранов, называемые в народе *гоц*, которые служат еще одним примером нарушения догматики ислама¹³.

⁸ Р. Шмерлинг, *Малые формы в архитектуре средневековой Грузии*, Тбилиси, 1962, стр. 209, 213.

⁹ Догматике ислама, как отмечалось, противоречит увековечение памяти умершего. Противоречит ей и устройство михраба в мемориальных сооружениях. Тем не менее, в некоторых мавзолеях Востока и, в их числе, в мемориальных сооружениях Азербайджана (мавзолей в сел. Хачин-Дорбатлы, Ашаги-Вейсэлли. Бабы и др.) встречается михраб, указывающий «кыблу» — направление Мекки (см. Л. С. Бретаницкий, *Указ. раб.*, стр. 98).

¹⁰ Раздвоенное окончание хвоста быка, напоминающее бараньи рога, — широко распространенный элемент орнамента кочевых народов. Вариант его, популярный в азербайджанском декоративном искусстве, так наз. *гоша буйнуз* (парные рога — азерб.), встречается уже на керамике эпохи бронзы, найденной близ Мингечаура.

¹¹ Рельефы мавзолея впервые описаны участниками Курдистанской экспедиции 1933 г. (*Дневник № 2 Курдистанской экспедиции в 1933 году*. Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, д. 34, стр. 130). Пользуемся возможностью поблагодарить за ознакомление с материалами экспедиции Н. В. Минкевич-Мустафаеву. Упоминались они И. П. Щеплыкиным (см. И. П. Щеплыкин, *Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами*, стр. 85). Им посвящен также доклад А. В. Саламзаде (см. А. В. Саламзаде, *О рельефных изображениях мавзолея в селении Джиджимли Лачинского района, «Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане (Тезисы докладов)»*, Баку, 1971).

¹² А. Олеарий, *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*, СПб., 1906, стр. 564.

¹³ Р. Эфендиев, *О средневековой скульптуре Азербайджана, «Искусство»*, № 4, М., 1975, стр. 65—68.

Возвратимся, однако, к архитектурному облику мавзолея Мелик Аждар. В нем, как уже отмечалось, отчетливо выражены черты монументализированных форм кочевой юрты, позволяющие искать его генетические корни в архитектуре жилья кочевых и полукочевых племен Азербайджана. Свидетельством древности распространения на его территории такого типа жилья, просуществовавшего без каких-либо изменений до XIX века¹⁴, служат глиняные игрушки-модели кочевых кибиток эпохи бронзы, обнаруженные археологами близ Мингечаура¹⁵.

Принципиально сходный тип юрты, один из шести разновидностей бытовавшего в Азербайджане кочевое жилища, был широко распространен у кочевых народов Переднего Востока и Центральной Азии. Описания его нередко встречаются в записках средневековых путешественников. Остановимся более подробно на юртах, описанных Гильомом Рубруком. Внешний облик их напоминает мавзолей Мелик Аждар: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину»¹⁶. Укажем также на рисунок неизвестного европейского художника XVIII в., пытавшегося воспроизвести эти юрты, заинтересовавший ученых сходством их внешнего облика с так называемыми «башенными» мавзолеями¹⁷.

Упомянутый тип кочевое жилища издавна распространен в Азербайджане и именуется *алачих*. Его наружный вид очень напоминает приведенное описание Рубрука и мавзолей Мелик Аждар. В центре алачиха устанавливался двухметровый столб с крестовиной вверху, на которой крепился метрового диаметра обод — *чатмах* с отверстиями по всей окружности. В эти отверстия вставлялись изогнутые деревянные планки, длиной 4—5 м и толщиной 2—3 см, составлявшие конструктивный каркас кибитки. Чатмах и планки, изготовленные специалистами-ремесленниками, обычно служили долгое время. Вверху остов алачиха покрывался войлоком *калыб'ом*, а бока обтягивались камышовыми циновками — *чатэн*. Вход завешивался войлочным пологом¹⁸.

¹⁴ В. П. Кобычев, Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX веке, в кн.: «Кавказский этнографический сборник», т. III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXIX, М.—Л., 1962, стр. 32—34.

¹⁵ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур (эпоха неолита и бронзы), Баку, 1959, стр. 128—132.

¹⁶ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 91. Прообразу этого типа кочевое жилища посвящена статья A. von Gabain, Frühe Zeugen der Scherengitter-Jürte, «Studia Turcica», «Bibliotheca orientalis hungarica» w. XVI, Budapest, 1971, p. 169—173.

¹⁷ T. T. Rice, The Seljuks in Asia Minor, N. Y., 1961, p. 141, ill. 33.

¹⁸ См.: М. В. Кулиева, Кибитки на яйлагах полукочевых тюрок казахского уезда, «Известия обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927, стр. 172—180. В различных районах Азербайджана конструктивные части алачиха именовались по-разному. Житель сел. Гулубейли Имишлинского р-на Кулиев А. М. сообщил, например, что жерди каркаса называли *чубух*, круг на котором они крепились — *чембера*, бечевку, протягиваемую по нижней окружности алачиха, — *дабан оркен*, а бечевку, натягиваемую выше, именовали *оркен* или *басырых*. Между ними крепились камышовые циновки — *четен*. Войлок белого цвета, покрывавший верх алачиха, — *кеча* состоял из трех частей. Кеча обычно изготовлялась домашним способом, в то время, как чубухи были привозными и приобретались у ремесленников. Бытовали алачихи в Имишлинском и Пушкинском районах вплоть до тридцатых—сороковых годов XX в., но в последнее время полностью исчезли в связи с переходом местного населения с полукочевое образа жизни на оседлый.

Подобное жилье под таким же наименованием было известно кумыкам с раннего средневековья. Однако в XIX — начале XX века у кумыков алачих несколько изменяет свой вид и назначение и превращается в плетеную из прутьев хозяйственную постройку¹⁹.

О жизнестойкости жилья подобного типа можно судить и по тому, что в Хиве вплоть до XIX в. пользовались юртами в летнее время и принимали в них вождей кочевых племен. Свидетельством тому служат два возвышения во дворе дворца Таш-хаули, на которых эти юрты устанавливались²⁰.

Такого рода кочевое жилье некоторые ученые относят к так называемому тюркскому типу юрты²¹. Н. М. Шепетильников приводит данные, говорящие о его отличии от монгольского типа. Прежде всего — у тюркских юрт крыша имеет шарообразную форму, а у монгольских — конусовидную с тупой вершиной. Эти различия объясняются особенностями конструкций: у тюркских юрт каркасные «стрелы» — *уни* изгибаются у нижнего конца и напоминают параболу, у монгольских уни прямые²². Небезынтересны сведения средневековых письменных источников о том, что уже в XII в. в связи с развитием оседлости часть кочевников специализировалась в изготовлении деревянных остовов для подобных юрт, выделившись в прослойку ремесленников-профессионалов²³.

Примеры своеобразной монументализации жилья кочевников редки, но встречаются они и в зодчестве других народов передневозосточного региона: у туркмен²⁴, а также у народов Северного Кавказа²⁵.

В отличие от мавзолея Мелик Аждар склепы Северного Кавказа, например, построены из грубооколотого камня и лишены наружной облицовки. Отличаются они также размерами (мавзолей Мелик Аждар значительно крупнее) и построены гораздо менее тщательно. Кроме того, в них отсутствует карниз, членивший их объем на две части, а имитирующие каркас юрты ребра идут до самого верха. Происхождение этих склепов А. Ф. Гольдштейн связывает с деревянными стационарными жилыми постройками²⁶. Остатки сходного деревянного юртообразного сооружения были найдены в Туве²⁷. Однако эти постройки служили для ритуальных целей.

С проблемой генезиса сходного типа мавзолеев Туркмении связаны две гипотезы: первая — предполагает их происхождение от юрт кочевников²⁸, вторая — связывает их с тюркскими курганными захоронениями²⁹. Представляется, что происхождение этого архитектурного типа связано вероятнее всего с кочевой юртой, что убедительно подтверждается особенностями внешнего облика мавзолея Мелик Аждар, этнографи-

¹⁹ С. Ш. Гаджиева, Кумыки (историко-этнографическое исследование), М., 1961, стр. 204.

²⁰ В. А. Булатова, И. И. Ноткин, Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1965, стр. 69; Б. Б. Фабрицкий, И. П. Шмелев, Хива, Л., 1973, стр. 29.

²¹ С. И. Руденко, Культура хуннов и ноннулинские курганы, М.—Л., 1962, стр. 30.

²² Н. М. Шепетильников, Архитектура Монголии, М., 1960, стр. 66.

²³ С. Г. Агаджанов, Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв., Ашхабад, 1973, стр. 43.

²⁴ Н. М. Бачинский, Малоизвестные архитектурные памятники Южного Туркменистана, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та материальной культуры АН СССР», М.—Л., 1950, стр. 121—133; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 292—299; Е. Атагарьев, Ю. Бердыев и др., Памятники архитектуры Туркменистана, Л., 1974, стр. 69—72.

²⁵ Е. И. Крупнов, Средневековая Ингушетия, М., 1971, стр. 93; Б. А. Калоев, Материальная культура и прикладное искусство Осетии, М., 1973, стр. 26—27.

²⁶ А. Ф. Гольдштейн, Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, М., 1975, стр. 118—119.

²⁷ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 33—35.

²⁸ Н. М. Бачинский, Указ. раб., стр. 121—133.

²⁹ Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 345.

ческими данными и содержанием хроник ряда средневековых авторов, посвященных жизни кочевников³⁰.

Несмотря на видимое единство более или менее далекого прообраза мавзолеев Туркмении, как и склепы Северного Кавказа, отличаются от мавзолея Мелик Аждар рядом особенностей. Они более массивны и для них характерно дробление плоскости фасада, в чем сказалось различие материала — они построены из кирпича. Другое отличие — композиционное — заключается в своеобразном кирпичном вестибюле — *айване*. Напомним, что в мавзолее Мелик Аждар малоприметный вход подчеркнут только декоративно. Зато, как отмечалось, он украшен рельефами с изображением быков, что, кстати, также противоречит догматике ислама³¹. В мавзолее Мелик Аждар, кроме того, как уже отмечалось, имеется михраб. В туркменских мавзолеех михраба аналогичного типа, как правило, нет, за исключением мавзолея, условно обозначенного № 4³². В склепах Северного Кавказа михрабы вообще отсутствуют³³.

В туркменских мавзолеех отсутствует также членение тонкими ребрами, своеобразно интерпретирующими каркас кочевой юрты. Отличительной чертой мавзолея Мелик Аждар является также цоколь, которого нет ни в туркменских мавзолеех, ни в склепах Северного Кавказа. Нельзя не отметить и архитектурную законченность и совершенство внешнего образа, а также сравнительно высокое качество отделочных работ мавзолея Мелик Аждар.

Вместе с тем, несмотря на локальные особенности, рассмотренные мемориальные сооружения Азербайджана, Северного Кавказа и Туркмении имеют общие корни, идущие из архитектуры кочевого жилья и из обычаев захоронения народов Переднего Востока и Центральной Азии. Черты стилистического родства и их территориальный и хронологический ареал позволяют ставить вопрос о принадлежности этих памятников к типологически общей группе мемориальных сооружений.

Появление на территории Азербайджана мавзолея, в архитектуре которого интерпретированы внешний облик и элементы жилья кочевников, было вызвано распространением подобного жилья у кочевых племен, издавна здесь живущих. Однако уникальность мавзолея Мелик Аждар говорит о том, что в Азербайджане не оказалось условий для развития данного архитектурного типа, возможно, что его архитектура пришлась, как говорится, не по вкусу. Своего рода исключением являются лишь немногочисленные склепы, внешним обликом отдаленно напоминающие юрту. Подобный склеп недавно обнаружен в селении Сеидляр Лачинского района и, по бытующему здесь поверию, построен кочевниками — *терекеме*. Это небольшое куполообразное здание из грубообработанного камня, как и другие сходного облика склепы, видимо, построено значительно позднее мавзолея Мелик Аждар.

Неподалеку от мавзолея Мелик Аждар находится другое мемориальное сооружение — мавзолей Кяр Кюмбез, также привлекающий внимание необычностью внешнего вида, в котором использованы мотивы христианского зодчества Закавказья. Оживленные политические, торговые и культурные контакты Азербайджана с соседними христианскими

³⁰ В качестве своеобразной параллели отметим некоторые типы древних оссуариев, так называемые *наусы*, во внешнем облике которых также прослеживаются мотивы кочевого жилья (см. В. В. Бартольд, К вопросу об оссуариях, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 160; В. А. Нильсен, Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966, стр. 98—104).

³¹ В убранстве архитектурных памятников Азербайджана рельефы и «граффити» с зооморфными сюжетами довольно редки. (см. Л. С. Бретаницкий, Указ. раб., стр. 482—484). Зооморфные мотивы встречаются в убранстве памятников соседних областей, отметим, в частности, караван-сарай Селима, где портал также украшен рельефными изображениями быка и барана (см. О. Х. Халпахьян, Гражданское зодчество Армении, М., 1971, стр. 201—203).

³² Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 292—293.

³³ Е. И. Крупнов, Указ. раб., стр. 93.

областями, условия формирования традиций его домусульманского зодчества—все это способствовало тому, что в ряде более поздних сооружений встречаются своеобразно преломленные мотивы христианской архитектуры. Среди подобных памятников наиболее известны: Джума-мечеть в Дербенте, мавзолей Гюлистан в селении Джуга, мавзолей в селении Хачин-Дорбатлы и др.³⁴ Как пример подобного заимствования интересен и мавзолей Кяр Кюмбез (Глухой купол, — *азерб*). Однако от перечисленных ранее сооружений мавзолей Кяр Кюмбез отличается тем, что он почти полностью повторяет архитектуру христианских часовен Закавказья. Явление это необычно, и в то же время характерно для зодчества средневекового Азербайджана. Характерно, потому, что в силу особенностей исторического развития региона здесь тесно и органично переплелись художественные традиции искусства «мусульманских» и «христианских» народов. Следует отметить, что подобные явления наблюдались в зодчестве не только Азербайджана, но и сопредельных Армении и Грузии.³⁵ Уникальность же данного явления в том, что здесь переосмыслены не отдельные формы, присущие зодчеству другой религии, а по существу целиком перенесен иной архитектурный тип, получивший иное назначение.

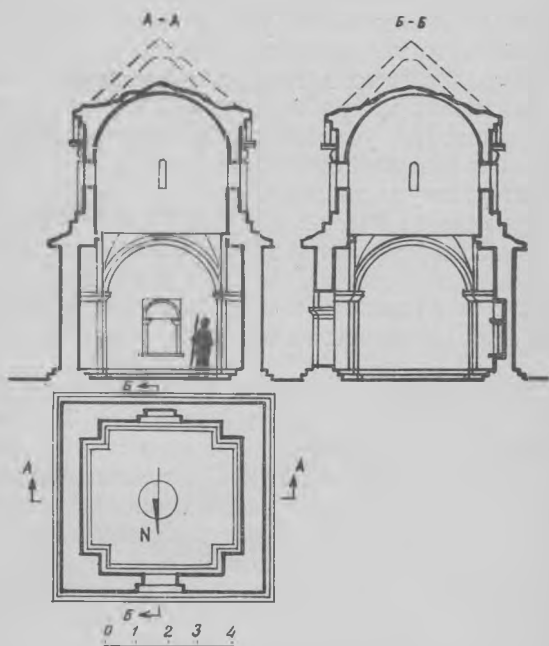

Рис. 6. Мавзолей Кяр Кюмбез. План и разрез (обмер с частичной реставрацией)

В специальной литературе это интересное сооружение воспроизводилось³⁶. Тем не менее, до недавнего времени мавзолей не был ни описан, ни исследован, ни обмерен. Краткое упоминание о нем впервые встречается в работе И. П. Щерблякина, но без основания связывавшего архитектурный образ мавзолея с армянскими часовнями³⁷.

На невысоком двухступенчатом цоколе стоит массивный, квадратный в плане объем (сторона 6,65 м, высота 4,35 м), завершенный восьмигранным барабаном (диаметр 4,7 м) с четырьмя узкими световыми проема-

³⁴ М. А. Усейнов, Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде, Указ. раб., стр. 97—101, 153—157, 168—170; Л. С. Бретаницкий, Указ. раб. стр. 124, 128, 159—162, 188—195.

³⁵ М. А. Усейнов, Л. С. Бретаницкий, *Архитектурное наследие Азербайджана и проблематика его изучения*, «Наука и человечество», М., 1976, стр. 86. Переосмысленное заимствование форм «мусульманской» архитектуры нередко и в памятниках зодчества христианских областей Закавказья. Это указывает на сравнительно легкую преодолимость религиозных барьеров, отнюдь не мешавших мастерам средневековья использовать в своих сооружениях полюбившиеся им архитектурные мотивы, независимо от конфессиональной принадлежности здания, в архитектуре которого они встречались (см. Н. Я. Марр, Ани, *Книжная история города и раскопки на месте городища*), М.—Л., 1934, стр. 67—78; Г. Н. Чубинашвили, *Иранские влияния в памятниках архитектуры Грузии*, «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии 1935 г. Доклады», М.—Л., 1939, стр. 252—261).

³⁶ Л. С. Бретаницкий, Указ. раб., стр. 129.

³⁷ И. П. Щерблякин, *Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами*, стр. 85—87.

ми. Грани барабана подчеркнуты узкими полукруглыми колонками. Они объединены прямоугольными основаниями-базами и завершены парными шарообразными капителями, служащими опорой для декоративных полуциркульных арок. Эти детали зрительно несколько смягчают резкость общего абриса барабана. Подобного характера архитектурные элементы нередко в культовых сооружениях Грузии и Армении ³⁸.

Нижняя часть мавзолея отделена от барабана карнизом из крупных каменных плит сравнительно большого выноса. Наружное покрытие не сохранилось, но стилистически близкие аналогии и характер конструкций позволяют предполагать, что оно представляло собой пирамидальный шатер, который служил не только для защиты наиболее подвергавшейся разрушению верхней части сооружения и внутреннего купола, но и эстетическим целям — подчеркивал стройность сооружения, не нарушая в то же время пропорций интерьера. Шатровые покрытия с пазухами, т. е. пустотелые или — реже — заполненные каким-нибудь «облегчителем», например керамическими кувшинами, были широко распространены на Востоке и, в частности, в Закавказье ³⁹.

Мавзолей построен из бутового камня с наружной облицовкой из тщательно пригнанных красноватых плит. На высоте 2,4 м проходит пояс из камня темно-серого цвета. Ориентированный на север архитравный проем перекрыт каменной плитой, как бы опирающейся на капители несложного рисунка декоративных колонок.

Лаконичен крестообразный в плане интерьер мавзолея. Стены, покрытые серой штукатуркой, скупо освещаются через прорези световых отверстий в барабане. Внутренний полукруглый купол опирается на пилоны, объединенные полукруглыми арками. По контуру интерьера проходит двухступенчатый цоколь, как бы повторяющий цоколь фасада.

На южной стене находится скромного рисунка михраб, напоминающий общим обликом и деталями михраб мавзолея Мелик Аждар. Опорой его полуциркульной арки служит пучок декоративных колонок, завершенных несложного рисунка капителями. Склепа в мавзолее нет и следы захоронения не обнаружены.

Мавзолей Кяр Кюмбез привлекает тем, что в его облике нашли своеобразное преломление архитектурные мотивы христианских культовых сооружений Закавказья, появление которых было вызвано профессиональными навыками строителя либо прихотью заказчика.

С рассмотренными мавзолеями селения Джиджимли связана и поныне бытующая легенда — один из вариантов широко распространенного на Востоке сюжета о печальной участи архитектора ⁴⁰. Она гласит: мавзолей строили мастер и ученик. Видя, что мавзолей ученика получается лучше, честолюбивый мастер его проклял и мавзолей получился глухим — в нем нет эха, которое есть в мавзолее Мелик Аждар.

В обоих мавзолеях не обнаружено следов захоронения, относящихся ко времени их строительства ⁴¹. Явление это не единично. Известно, что в ряде мемориальных сооружений стран мусульманского Востока вооб-

³⁸ В. В. Беридзе, Грузинская архитектура, Тбилиси, 1967, стр. 43, 47; А. Л. Якобсон, Очерки истории зодчества Армении V—XVII вв., М.—Л., 1950, стр. 22, 71; Н. М. Токаровский, Архитектура Армении V—XIV вв., Ереван, 1961, стр. 108, 116, 196, 222.

³⁹ Л. С. Бретаницкий, Указ. раб., стр. 314—316.

⁴⁰ Л. С. Бретаницкий, Указ. раб., стр. 437; А. В. Саламзаде, К датировке некоторых памятников Азербайджана, «Известия АН Азерб. ССР», № 5, Баку, 1952, стр. 73.

⁴¹ Отсутствие единовременного со строительством захоронения в ряде мавзолеев, видимо, связано с погребальными обычаями кочевых народов Переднего Востока и Центральной Азии. См.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, Собр. соч., М.—Л., 1950, т. I, стр. 230; В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. IV, СПб., 1897, стр. 7; «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 32—33 и др.

ше нет следов захоронения, а в тех, где оно было, его место трудно определить. Назовем, к примеру, мавзолей Гунбад-е Кабус в Гургене ⁴², мавзолей Момине-хатун в Нахичевани и др. ⁴³. Интересны также некоторые мавзолеи Средней Азии, в которых склепы устроены позднее ⁴⁴. Отметим и то, что среди местных жителей мавзолей Мелик Аждар более популярен, нежели мавзолей Кяр Кюмбез, и поныне он почитается как «пир» — священное место, что, видимо, в немалой степени обусловлено его архитектурными формами.

Несколько архаичный по формам мавзолей Мелик Аждар вполне убедительно датирован XI—XII вв., в то время как архитектурный облик мавзолея Кяр Кюмбез позволяет отнести его к более позднему времени — XIV—XVI вв.

Мемориальный комплекс в селении Джиджимли интересен неповторимостью облика своих мавзолеев, в архитектуре средневекового Азербайджана более не встречающихся. Однако, если Кяр Кюмбез является лишь повторением в мусульманском мавзолее облика христианских культовых сооружений Закавказья, то мавзолей Мелик Аждар свидетельствует о незаурядной творческой индивидуальности своего безымянного строителя, создавшего художественно новый образ и искусно воплотившего в камне мотивы архитектуры кочевого жилья.

Мемориальный комплекс в селении Джиджимли важен и ценен как яркий пример связей зодчества средневекового Азербайджана с архитектурными традициями, сложившимися в стране до завоевания ее арабами, и с архитектурой народов сопредельных и близлежащих областей Переднего Востока.

A MEMORIAL COMPLEX IN JIJIMLI VILLAGE (TOWARDS THE PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL LINKS)

Two mausoleums located in the old Moslem graveyard of Jijimli village in Lachinsk District are described in the paper: Melik Ajar (11th—12th centuries) and K'ar — Kumbbez (14th—15th centuries). Both stand out as unusual for mediaeval memorial construction in Azerbaijan. The first shows an influence of nomadic dwelling architecture, the second — that of Christian building in Transcaucasia. The architecture of the Melik Ajar mausoleum reflects in its characteristic way the construction design of the nomadic yurt; this permits us to seek its origins in the dwellings of the nomadic and semi-nomadic tribes of Azerbaijan. The memorial complex in Jijimli village is an outstanding example of the links connecting mediaeval Azerbaijan architecture with the architectural traditions that had grown up in the country prior to the Arab conquest and with the architecture of the sedentary and nomadic peoples inhabiting contiguous and other near-by regions of the Near East.

⁴² В. В. Бартольд, Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 265—266.

⁴³ Л. С. Бретаницкий, Об одной архитектурной конструкции в зодчестве средневекового Азербайджана, «Доклады АН Азерб. ССР», т. X, № 1, Баку, 1954, стр. 71.

⁴⁴ Н. Б. Немцева, Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда, «Общественные науки в Узбекистане», № 8—9, Ташкент, 1969, стр. 45—50.